

Андрей Смирнов

Лопухи и лебеда

Андрей Смирнов

Лопухи и лебеда

издательство **аст**
москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С50

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

В книге использованы фотографии из личного архива автора, кроме отмеченных особо.

Обложка:

на 1-й стороне — фото из архива Андрея Смирнова;
на 4-й стороне — фото © Микола Гнисяк.

Смирнов, Андрей.

С50 Лопухи и лебеда: киноповести и эссе / АНДРЕЙ СМИРНОВ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 624 с.

ISBN 978-5-17-095762-0

Выдающийся режиссер и актер Андрей Смирнов, покоровший публику в 1971 году легендарным “Белорусским вокзалом”, лауреат двух премий “Ника” (в 2000 году за роль Бунина в фильме “Дневник его жены” и в 2012-м за фильм “Жила-была одна баба”), был отлучен от режиссуры советскими цензорами и много лет не снимал кино. Он играл в фильмах и сериалах (Владимир в “Елене”, Павел Кирсанов в “Отцах и детях” и др.), ставил спектакли и писал — сценарии, эссе, пьесы. Эта книга впервые представляет Андрея Смирнова-писателя. Проза Андрея Смирнова изначально связана с кино. Это виртуозная проза драматурга, литературное воплощение будущих фильмов, блестящие, мастерски выстроенные киноповести. Они чередуются со статьями о положении кино в СССР, а затем и в России, о творческой судьбе самого автора и о том, что происходило и происходит в нашей стране.

В книгу включены фотографии из личного архива Андрея Смирнова, а также фотографии со съемок его фильмов и театральных репетиций.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095762-0

- © А. Смирнов, 2016
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
- © ООО “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Я хочу рассказать вам...</i>	7
Осень	9
<i>Размышления на обочине</i>	73
Стойкий оловянный солдатик	87
<i>Хождение в сценаристы</i>	131
Предчувствие	137
<i>Свет Выборга</i>	191
Сентиментальное путешествие на картошку	199
<i>Легко ли быть молодым</i>	261
Родненькие мои	269
<i>Свободен, наконец свободен</i>	345
Темная вода	349
<i>Завтра живет на кухне</i>	441
<i>Последняя книга</i>	447
Жила-была одна баба	459

Я хочу рассказать вам...

Как назвать книжку? Отчет? Что я — бухгалтер? А в сущности — отчет. Или, выражаясь развернуто и по-советски, — отчет о проделанной работе. А куда деться от своей советской закалки — от тупого пионерского детства (как мне нравилось отдавать салют! рапортовать старшей пионервожатой!), комсомольской юности, страстной и фальшивой (во ВГИКе обличил на собрании сокурсника по ничтожному поводу, тут же вызвали в партком и предложили в стукачи), ото всего, что обозначилось в 90-е годы мускулистым термином “совок”, — в нем и презрение к самому себе, в нем и покаяние, к себе безжалостное.

Я — совок? Оскорбительно. Да я ненавижу все, к чему приложим эпитет “советский”, мне только что стукнуло семьдесят пять (страшно произнести, мой отец умер в шестьдесят от скоротечного рака легких), но пока еще хорошо помню и очередь за мясом (когда я, простояв полчаса, приближался к прилавку, звонил из автомата, и жена бежала с двумя маленькими детьми, потому что не давали в одни руки мяса больше килограмма, из коего добрая половина уходила в помойку), и ОВИР (Отдел виз и регистраций, кто не помнит), где дяденька, сверкнув золотым зубом, общал деревянным голосом, что поездка за рубеж не состо-

ится как нецелесообразная (а мне уже было под сорок, а выпустили в первый раз уже при Горбачеве, в сорок семь). Да, я — старый совок, приходится признать, плоть от плоти режима, на который пришлась большая часть жизни, и, к сожалению, ничего великого, кроме великих жертв, не вижу в истории страны под диким для русского уха названием “СССР”. Так что книжка эта — отчет о проделанной за пятьдесят лет работе, о том, как совковый кинорежиссер перучивался на совкового писателя.

Первый звонок прозвучал весной 68-го года из уст покойного Владимира Евтихиановича Баскакова, в ту пору — заместителя министра культуры, ведавшего кинематографом. Баскаков был фронтовик, писавший прозу, окончивший знаменитый ИФЛИ, человек культурный, чем резко отличался от нашего начальства начиная с министров, и потому слегка презираемый в среде партийных чинов. Потом, через годы и до его последних дней, нас с ним будут связывать отношения — не скажу дружеские, слишком велика была разница в возрасте, — отношения взаимной симпатии. А пока — 68-й год, мне двадцать семь лет, я сижу на обсуждении своей первой самостоятельно снятой короткометражки “Ангел” (до этого мы вдвоем с Борисом Яшиным сняли полнометражную картину “Пядь земли” и две коротких). Я еще не знаю, что “Ангела” положат на полку, а через двадцать лет выяснится, что негатив картины, то есть подлинник, то ли уничтожен, то ли потерян. Я еще надеюсь, что мое кино кто-нибудь увидит (все-таки “рукописи не горят”, и “Ангела” сегодня можно найти в интернете). По окончании обсуждения, для меня катастрофического, замминистра велит мне задержаться. Оставшись наедине, Баскаков доходчиво объясняет, что моя короткометражка содержит неудавшуюся идеологическую диверсию и поклеп на русский народ. Я уже стою у двери, собираюсь выйти, когда он заканчивает той самой фразой: “Мы тебе поможем сменить профессию...”

Трудней всего было приучиться молча сидеть в одиночестве. Режиссер — это профессиональный болтун. Он молчит только в короткие мгновения между командами “Мотор!” и “Стоп!” — пока снимается кадр. Все остальное время он говорит или, в лучшем случае, слушает, весь рабочий день он непрерывно общается с актерами, с оператором, со всей многочисленной съемочной группой, пытаюсь достучаться до каждого, растолковать свой гениальный замысел. А тут — на тебе! — лист бумаги, ручка, сиди и смотри в точку часами. Меня так и подмывало вскочить, поймать знакомого и в горячке изложить ему, что я собираюсь написать. А Генри Мур, гениальный скульптор, говорит: “Рассказывая о своем проекте, вы тратите энергию, которая понадобится вам для его создания”. Я прочел — и заткнулся. Заставил себя писать каждый божий день хоть страничку, хоть две. С годами образовались тысячи страниц дневников, мне даже предложили их издать, но я поленился.

В конце 79-го года я снял свой последний кадр и твердо решил с режиссурой завязать. Мне было тридцать восемь, надоела вечная толкотня с цензурой, в которой я неизменно оказывался в проигрыше. Ни один из моих четырех фильмов (в том числе и относительно успешный “Белорусский вокзал”) не дошел до зрителя таким, как я задумывал.

Но когда советская цензура приказала долго жить, я заволновался. Неужели я так и помру, не оставив ни одного фильма, сделанного без чужой указки? Мысль эта не давала мне спать. Однажды в декабре 87-го года, среди ночи, я вылез из постели, чтобы записать: “Кино о Тамбовском восстании!” Наутро сел думать. С одной стороны, материал богатый, огнедышащий, в котором сходится все — история России, страны крестьянской, революция и Гражданская война, восстание деревни против большевиков, подавленное с чудовищной жестокостью, единственный в истории случай применения отравляющих газов в войне с собственным народом.

С другой — как же подниму я эту махину, городской житель, не проживший в деревне и месяца?

Прошло больше десятка лет, пока появился на свет сценарий. Я не жалею о потраченном времени. Ходил по тамбовской земле, где лучший в мире чернозем, расспрашивал по деревням бабушек, которые ничего не помнят — два поколения запуганных родителей молчали, боялись рассказать детям о том, что здесь творилось. Вслушивался в тамбовский говор, пытался понять, чем он отличается от орловского или воронежского. Сидел в архивах, читал документы, ездил в Борисоглебск к историку Владимиру Самошкину, который стал моим главным консультантом и другом, но, к несчастью, не дождался премьеры картины. Эти годы многому меня научили. Я много узнал о стране под названием Россия.

В июле 2008 года мы сняли первые кадры фильма “Жила-была одна баба”.

Я опять кричал “Мотор!”. Перерыв составил 29 лет...

Всё это время я снимался в кино как артист, преподавал, ставил спектакли на театре, в горбачевские времена три года был чиновником, а главным образом, писал — сценарии, пьесы, статьи. С плодами моих трудов вас познакомит эта книга. Я расскажу вам несколько историй.

Осень

- ... О чем думаешь?
- Не знаю... Ни о чем.
- Все-таки о чем-нибудь ты думаешь?
- Интересно, о чем я должна думать, когда целуюсь?
- Замерзла?
- Перестань зевать, ради бога! Стоишь с женщиной и зеваешь.
- Виноват. Между прочим, еще шести нету.
- А я совсем спать не могу. На всех чертей, наверное, похожа...
- Ты ослепительна.
- Не надо... И куда нас несет?.. Ну, не надо, пожалуйста.
- Спят все.
- А проводница? Приедем сейчас... Озеро какое-то бесконечное... Смотри — церквушка.
- Это погост. Кладбище видишь? Значит — погост.
- Ненавижу, когда ты таким тоном разговариваешь.
- Каким?
- Вот таким. Менторским. Поучающим.
- Все равно ты в меня влюблена как кошка.
- Вот дурак.
- Э, молодежь, приехали! — Проводница отправилась в тамбур.
- Торопись, он стоит три минуты. Слыхала? Молодежь — это мы.
- Подожди. Поцелуй меня.
- Подплыл каменный обшарпанный вокзал с цифрами “1912”, выложенными по фронтому, и фигурой Меркурия. Перрон оказался мал. Сиротливый хвост из двух вагонов остался на открытом пространстве.
- Господи, я же замучаюсь со своей юбкой...

Он спустился на насыпь, поставил чемодан и сумку, растопырил руки. Женщина задержалась на мгновение на высокой подножке и, негромко охнув, прыгнула.

— С приездом! Какой сегодня день, Саня? Суббота?

— Не знаю, ей-богу, так все перепуталось..

— Воскресенье! — крикнула им вслед проводница.

День первый

Шофер косился на нее в зеркальце.

Мотора он не выключал, “дворники”, скрипя тягуче, сгоняли со стекла редкие капли.

Шоколадный, с желтыми подпалинами петух слонялся по двору, ворча. За деревней над темным ельником показалась из-за туч чистая бледная полоска.

Шофер сопел. Жидкие кустики волос вздрагивали на розовой проплешине.

Саша глянула в зеркальце со злобой — он усмехнулся.

Тут Илья затопал по ступенькам.

— Порядок, — сказал он и стал расплачиваться.

Девочка лет четырех и хозяин вышли на крыльцо и смотрели, как они идут.

— Телевизор у хозяев, приемник у нас. Живут — дай бог...
Окно прямо на озеро. Что ты, Саша?

— Ничего.

Они остановились.

— Что-нибудь не так?

— Не обращай внимания. — Она постаралась улыбнуться и взяла его под руку. — Укачало немножко.

С виду хозяин был моложе тридцати, русоволосый голу-боглазый парень, слегка отяжелевший.

— Знакомьтесь, — сказал Илья. — Это моя жена. Ее зовут Саша.

В комнате слабо пахло пылью.

— Кровать новая, хорошая, встать не захочете... — У Дуся, хозяйки, плавный голосок и такие же, как у мужа, светлые глаза. — Прошлый год купили на Троицу. Отдыхайте, сколько понравится.

— И не на Троицу, а на майские. Сто тридцать рублей отдали под самый праздник...

Хозяин в вязаных носках и девочка стояли в дверях. Девочка дичилась, смотрела исподлобья, а глаза плутоватые, без боязни.

— Одежку берите, еще и другую дам. Эдуард, приволокитесь-Катину, зеленую, что в сундуке. А то — перину хотите?

— Хватит, куда!

— Дак студено ночью, не в Крыму, чай. Перина нешуточная, косточки-то погреть, ну? Заморозите жену...

Она засмеялась и лукаво и застенчиво. У нее недоставало бокового зуба, улыбка выходила щербатая, как у подростка.

— Стряпать — на дворе, печка. Растопить умеете? А то мне покличьте. Умываться вон за дверью, покажи, Эдуард. Магазин хороший, а коли повкусней чего, селедочки или колбаски, в Буяново прогуляетесь. Вина белого — в Буянове опять. Молочка, конечно, кушайте, сколько захотите...

Илья присел к девочке:

— Меня Илья зовут. А тебя как?

— Чего стихла, ну? Скажи, как зовут, спрашивают тебя...

— Она, наверное, забыла.

— Знает она, вот девка. — Хозяин принес одеяло. — Таня ее звать...

Дуся опять засмеялась:

— Она у нас смутная. То — спасу нет, а то как зверенок, стоит, не гукнет... Пожалуйста, спите на здоровье, утомились небось? Вы с Петрозаводска будете?

— Мы из Ленинграда. — Илья сел на кровать и достал бумажник. — Значит, рубль с человека, два рубля день, шесть